

Павел РЫБКИН

Павел Рыбкин родился в 1971 году в Смоленске. Поступил в аспирантуру Московского городского педагогического университета (МГПУ), переехал в Москву. В 2003-м защитил кандидатскую диссертацию по русской литературной сказке XIX века. Преподавал в лицее и университете. Работал журналистом в «Российской газете», еженедельнике «Большой город», проектах журнала «За рулем», на портале Snob.ru и др. Подборка стихов вышла в журнале «День и ночь» (№9-10, 2004). С октября 2020-го – постоянный автор ежедневного медиа о поэзии Prosodia.

ИЗ ЦИКЛА «СТИХИ К СЫНУ»

Сказка на ночь

По мотивам «Звездных войн»

Энакин Скайуокер
Отрубил руку
Графу Дуку.
Потому что этот Дуку
Был страшный злока.
Какой-то ситх.
Хотя нет, уж если рассказывать,
То от сих и до сих.
Так вот.
Энакин – породил Люка,
И тому тоже отрубили руку.
Как будто проехал грейдер –
На сей раз это был Дарт Вейдер.
Люку
Он был известен только вот под таким
Именем (а также как – «папа»), хотя Дарт
И был Энакин,
Которому, кстати, тоже (и вполне по заслугам)
Отрубил несколько ранее руку
Учитель его Оби-Ван.
Генерал Кеноби.
«Убиван? – встречается аудитория.
Он всех убивал?»
И удивляется еще больше:
Пиноккио?»
«Нет – Оби-Ван».
«Убивал световым мечом?
Или деревянным носом?»
К черту вопросы!
И без того уже выходит целый роман.
Про Кеноби – больше ни звука.
Потому что Люку –
Как и всем до него (кроме графа Дуку?!)
Приделали после железную руку.
Пареньку удалось подрасти,
И папе он, естественно, отомстил:

Естественно, отрубив руку.
Рука упала со стуком
(потому что и сама была железная, и перчатка)
На пол.
Но тут уже протянул к Люку лапы
(сначала – просто одну руку)
Император (темный, такой же, как некогда Дуку –
ситх,
Хотя на вид – просто старый псих).
Не покладая рук,
Он пускал из них в мальчика молнии
И разряды,
Мол, так тебе, парень, и надо,
Полно, мол,
Корчить из себя джедая.
Раз не захотел встать на сторону зла –
Получи!
«Папа, я умираю!» –
Вырвалось что-то такое у Люка.
Вейдер, хоть и был до того гадюка,
взял себя в руки.
Встал (нежность, видать, нашла).
А потом – уже в смертном обмороке –
взял Император *под* руки
и сбросил в шахту.
Не с бухты-баракты,
А твердо на это решаешь:
С сыном – важнее связь.

Финальная сцена.
Ночь. И немного ветрено.
Смертное ложе – костер.
Вейдер –
на
нем,
Объятый огнем.
И наплывом мы видим Люка,
который уже простер
куда-то в сторону руку,
в которой горел факел.

Мой сын? Нет, он совсем не плакал.
Он уже спал, не дослушав страшный рассказ
Про руку
(Пеструю,
Черную,
Железную,
звездную – все равно).
Я снял с моего плеча его руку,
Протянул – свою – к выключателю.
Свет погас.
Только пеплом седело окно

И завывала вьюга —
У нас вообще вечно дует с Москва-реки.
Да, и еще где-то по потолку тихо цокали коготки.

Соседская сука...

Рождество с палачом

Ну и вот: мы с сыном, как теперь говорят, покушали,
с печеньем попили чай
и стали собирать The Executioner:
палача.

Игрушка очень старая,
сувенир из Тауэра,
тюрьмы в центре Лондона,
где она и была нам продана

тому назад года два,
но с тех пор все лежала без дела.
И вот долежала до нового Рождества.
И мне это надоело.

Денек к тому же выдался вьюжный,
сын заболел. И иных задач
в повестке не значилось, кроме как Executioner:
палач.

Сначала надо было вырезать из картона
руки-ноги, плаху-топор,
жабо и такие буфчатые панталоны,
и всяческий мелкий вздор

типа детальки с названием «конец шеи»:
кружок мяса на косточке. Не люблю,
да и не знаю, как такую мелочь приклеить
на шею — с помощью glue.

Но все же приклеить казалось нужным,
пусть даже от злости рыча,
чтобы только добиться главного для Executioner,
палача,

а именно: чтобы получилась из плахи шарманка.
Рукоятка вставляется в эшафот,
крутишь — и начинается танго:
казнь идет и идет!

Удар — и голова в корзине.
Замах — и она опять на плечах.
С Рождеством! С морозом и снегом! С зазимьем!

И все из-за палача.

Ох, если бы... Мы провозились до ужина.
Но ничего не клеилось, хоть ты плачь.
Видно, бракованный был Executioner
(палач).

Столько промучились, вырезая эти фестончики, зубчики, клапаны,
отвороты соединяемых плоскостей!
Руки как оба клеим заляпали!
А ни черта не держал клей...

Спина отлипала от боковин камзола,
волосы – от головы.
Сборка виделась делом веселым,
а теперь я и вправду от злости выл.

Но сыну – тому попросту стало скучно.
И он так сладко и так смиренно скучал,
что постепенно и я успокоился за Executioner,
палача.

Хорошо же ведь! За окошком вьюга,
а нам никуда не надо идти,
кроме как на поправку. Укрывшись в свой в угол.
Слушая скуки тайный мотив.

В чай печенье в форме зверей макая
и вот их уж – точно казня.
«Горелые лапки не ешь!» «А смотри, какая
лиса еще есть у меня».

Момент – и ее голова откушена!
И на сердце приятно и горячо
оттого, как славно убит этот день Executioner,
нерожденным
рождественским
палачом.

Двое в приемном покое (возможно дезориентированы)

1
Из школы пришел –
Мизинец распух и глядит в сторону.
Играли, называется, в пионербол.
Ну, здорово!

Ударил руку о мяч –
Палец и съехал
На бок
На главной из грабок.

Мне не до смеху.
Не мужик растет,
А прям какой-то магнит неудач.

2

Разговор был недолог:
Требуется травматолог.
Понял? Рот на замке.
И вот уже, стоя
В приемном покое:
«Вы за кем?»
«А мы где-то за тут».
С видом – «чего, мол, хотите?».
И главное, тут же куда-то идут
Вон из очереди.

Да и пускай.
Зато мы оказываемся почти в начале.
Висит доска
С объявлениями. Подошли. Почитали.

«Пропал человек».

(Тут рифма замедляет разбег.)

«Красная кофта.
Черные брюки.
Розовые балетки.
С собой: два полиэтиленовых пакета.

Сухощавая женщина. 79 лет. ВОЗМОЖНО ДЕЗОРИЕНТИРОВАНА».

Без запятой
После «возможно».
Как будто не допущение,
А имя. Или степень дезориентации.
В приемный покой
Срочно нужен специалист по пунктуации.

Думаю: а если и я когда-нибудь так же вот
Выйду из дома в балетках, с двумя пакетами, и все:
Пропаду?
Чистый Хармс,
Но покамест
(Про себя) не городи ерунду.

3

Ну, естественно, нужен снимок.
Подходим, а те, кто за тут,
Они уже ТАМ. Мужик в кабинете.
Жена, говорят, отошла. Необъяснимо:
А как же все лучшее детям?

Стоп. Дверь открывается. Но опять заходить нельзя:
«Фотки сушит».
Жена (возвращаясь):
«Ой, я тут к Насте сходила в родильное.
Проведать. А она уже и родила».
Муж: «Пока фотки сохли?»
Дела!
«Ой, ну не так сказала, прости меня».

4
Наконец, и мы: перелом.
А поточнее диагноза не удостоюсь?
Извольте: закрытый эпифизеолис,
Пятый пястный сустав.
По зоне роста.
Гипс нужен, доктор, я прав?
Да, и очень просто.

5
И вот мы двое
Стоим опять на крыльце покоя.
Дождик на улице.
К чугунной оградке цепью примотан велосипед.
Но травматологи не просто паркуются,
Нет!
У них все по теме.
На сиденье
И на рукоятках руля –
Голубые, в каплях, бахилы,
Надежности для,
Чтобы не намочило.
Походили вокруг да около
Так, немного.
Но ведь все верно: штанами будет потом противно на мокрое.
Да и руками трогать.